

**К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY**

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева, В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr. Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тугаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства
(новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии
Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.**

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЛЕНИЯ РАЗВИТОГО ТРИПОЛЬЯ VII И CI

Е. Г. Старкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-117-118

Ключевые слова: трипольская культура, локальные варианты, характерные признаки, группы памятников, контактные зоны.

В период расцвета трипольской культуры (Триполье VII и CI по Т. С. Пассек) ее ареал достигает своего максимума, охватывая практически всю территорию современной Правобережной Украины, Молдовы и восточную часть Румынии. В пределах этого ареала памятники составляют определенное единство, хотя очевидны также их локальные особенности — прежде всего, отличия «западной» и «восточной» зон, сложившееся еще в предшествующие периоды. Тем не менее, период расцвета остается наименее изученным. Ряд обобщающих работ опубликован по раннему и позднему периодам (Збенович 1974; Дергачев 1980; Маркевич 1981; Збенович 1989; Palaguta 2007). Отсутствие таких исследований по Триполью VII и CI, по-видимому, объясняется рядом объективных причин: огромная территория, которую занимают поселения данного времени, большое разнообразие материала, сложного для сравнения, а также размытость границ внутри периода (на уровне этапов) и наличие значительных разночтений при синхронизации памятников конца VII и начала CI. Накопление материала в результате регулярных полевых исследований и, соответственно, усложнение его систематизации вынуждает многих авторов выделять промежуточные этапы (Мовша 1972; Виноградова 1983). Это происходит еще и потому, что, если для выделения этапа VI, есть главный критерий — распространение полихромной (трехцветной) расписной керамики, то характерные признаки последующих этапов не так однозначны. Признаки разных групп памятников, определяемые разными исследователями, существенно отличаются по значимости. Это может быть и площадь поселений, и конструкция жилищ, и появление новых форм посуды, и новые элементы в ее декоре, и даже наличие в керамическом комплексе тарной посуды (Шумова 1985; Мовша 1985; 2002; Рыжов 1981; 2000; Рижов 2003; 2007; Цвек 2002). Получается, что отбор критериев зависит от уровня изученности материала и индивидуального подхода каждого исследователя. К тому же в процессе археологических исследований количество материала постоянно увеличивается, и границы ареалов приходится изменять. Многие поселения оказываются в так называемых «контактных зонах», когда в комплексе присутствуют характерные черты нескольких соседних локальных групп. Между группами поселений во многих регионах ареала имеются «белые пятна» — значительные по площади неисследованные территории, что также объясняет нечеткость границ выделенных локальных вариантов. Следует учитывать и разницу в развитии периферийных и центральных областей.

Зачастую исследователи, не имея целостной информации по тому или иному памятнику, при проведении сравнительного анализа руководствуются лишь индивидуальными аналогиями, такими как особенности формы или отдельных элементов в стандартной орнаментальной композиции. Подобный подход может работать лишь при рассмотрении памятников внутри микрогруппы на ограниченной территории, когда сходство частных признаков отражает либо прямые контакты, либо генетическую преемственность памятников. Таким образом, для получения целостной картины локальных и хронологических групп памятников необходимо введение в полноценный научный оборот материалов не только новых, но и уже давно известных памятников, публикации которых были недостаточно полными, но при этом эти памятники оказались «опорными» для построений. Опыт анализа

материалов комплексов из раскопок первой половины XX в., учитывая статистику соотношения форм керамики, детальную проработку нюансов техники изготовления и декора уже есть (Смирнова и др. 2018: 75–136; Старкова 2011). Новое исследование материалов периода Триполье СІ из поселения Попудня (раскопки М. Гимнера, 1911 г.) позволяет внести ряд корректировок в предложенные ранее периодизации.

Литература

Виноградова Н. М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.

Мовша Т. Г. 1972. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілья // Археологія. Вип. 5. С. 3–24.

Мовша Т. Г. 1985. Средний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1. С. 206–223.

Мовша Т. Г. 2002. Система основных признаков томашевской культуры Трипольско-Кукутенской общности // Сучасні проблеми археології. Київ. С. 151–153.

Рыжов С. Н. 1981. О периодизации трипольских поселений петренской группы // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: ТД респ. конф. молодых ученых. Киев. С. 27–28.

Рижов С. М. 2003. Трипільські пам'ятки петренської локальної групи Поділля // Трипільські поселення-гіганти: Матеріали міжнар. конф. Київ. С. 140–145.

Рижов С. М. 2007. Вплив шипинецької локальної групи на формування пам'яток небелівської групи у Буго-Дніпровському межиріччі // Записки Наукового товариства ім. Тараса Шевченка: Праці Археологічної комісії. Львів. 253. С. 127–139.

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г. 2018. Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.

Старкова Е. Г. 2012. Трипольское поселение Кринички: новый взгляд на старые коллекции // Сообщения ГЭ. 70. С. 5–17.

Цвек Е. В. 2002. Некоторые аспекты домостроительства у племен восточно-трипольской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.): Материалы III Междунар. конф. 5–8 ноября 2002 г. Тирасполь. С. 51–56.

Шумова В. А. 1988. Производство тарной посуды поздне трипольским населением междуречья Ю. Буга и Днепра // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. М. С. 29–30.

Palaguta I. 2007. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. Oxford. (British Archaeological Reports, International Series. Oxford 1666).

ON THE PROBLEMS OF LOCAL VARIANTS AND RELATIVE CHRONOLOGY OF THE DEVELOPED TRIPOLYE BII AND CI STAGES

Elena G. Starkova

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Tripolye culture, local variants, characteristic features, groups of sites, contact zones.*

During the heyday of the Tripolye culture (Tripolye BII and CI by T. S. Passek), its range reached the maximum, covering almost the entire territory of modern Right-Bank Ukraine, Moldova and the eastern part of Romania. Sites within the areal represent a certain unity, even though their local

features in different parts of the area are also evident. The absence of generalizing publications for this period is explained by the unevenness of the study of the territory and the impossibility now to identify common criteria for different local variants. To obtain a complete picture of local and chronological groups of the sites, it is necessary to introduce into the full-fledged scientific circulation materials not only from the new sites, but also from the already well-known ones. Without their detailed publication, any constructions will not be sufficiently reasoned.

ИСКУССТВЕННО ДЕФОРМИРОВАННЫЙ ЧЕРЕП ЭПОХИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА С ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Д. А. Кириченко, В. П. Гасанов

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Центр антропологии, Баку, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-119-120

Ключевые слова: Азербайджан, Полутепе, палеоантропология, краниометрия, неолит, искусственная деформация черепа.

Поселение Полутепе является самым крупным по площади памятником эпохи позднего неолита — энеолита, оставленным ранними земледельцами и скотоводами в Муганской степи. Оно расположено на восточной окраине сел. Учтепе, Джалилабадского р-на Республики Азербайджан, на правом (южном) берегу р. Инджачай на высоте 38 м над уровнем моря.

Поселение Полутепе было открыто выдающимся азербайджанским археологом И. Г. Наримановым в конце 1980-х гг. В 2004 г. здесь был заложен контрольный шурф, вскрывший неолитический слой. Начиная с 2006 г. на памятнике проводятся археологические раскопки под руководством Т. И. Ахундова. Площадь поселения составляет около 6 га. Толщина его культурного слоя достигает 7 м. Верхний слой мощностью в 1 м представлен материалами развитого средневековья (IX–XI вв.), а нижний толщиной в 6 м относится к неолиту. В промежутке между этими периодами поселение кратковременно обживалось носителями куро-аракской археологической культуры раннего бронзового века и представителями культуры среднего бронзового века. По данным радиоуглеродного анализа поселение Полутепе датируется концом V — началом IV тыс. до н. э. (4590–3950 гг. до н. э.). Здесь были выявлены погребения, гончарные печи, остатки строений из сырцового кирпича. Несмотря на обнаружение захоронений палеоантропологический материал не был представлен специалистам в виду его плохой сохранности. Во время полевого сезона 2017 г. в неолитическом слое поселения на глубине 6,7 м было обнаружено погребение. Скелет женщины (25–35 лет) обильно посыпан красновато-коричневой охрой. Погребенная лежала в скорченном положении на спине, лицом на СЗ. Череп умершей имел удовлетворительную сохранность (рис. 1). Он был исследован по общепринятой в палеоантропологии методике Р. Мартина (по сокращенной программе). Череп, отличающийся овоидной формой, мезокранный, гипсикранный, акрокранный, характеризуется малым продольным, малым поперечным и очень большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб широкий, эуриметопный, гипермегасемный. Ширина основания черепа малая. Лицо средневысокое, малое по ширине, хорошо выступающее на верхнем и среднем уровне, по указателю-лептен. Орбиты очень широкие (широкие от дакриона), средневысокие, мезоконхные (гипсиконхные от дакриона). Нос среднеширокий, средневысокий, мезоринный, средневыступающий. Антропологический тип европеоидный, относится к ее южной ветви. Женский череп из Полутепе искусственно деформирован, способ деформации — лобно-затылочный. Эта модификация явилась результатом воздействия на голову младенца (ребенка)